

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ LXXXIX

1902

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1902

ТУРКМЕНСКІЙ АЛАМАНЪ.

(Эскизъ).

ВА СЛОВА въ видѣ приступа къ разсказу и въ объясненіе его заглавія.

До завоеванія Россіей Закаспійской области обитатели ея, туркмены, сравнительно мало занимались земледѣліемъ и скотоводствомъ. Къ этому ихъ приводили, съ одной стороны, неблагоприятныя природныя условія, недостатокъ удобной земли и оплодотворяющей ее влаги, а съ другой — слишкомъ легкая возможность существовать гораздо болѣе привлекательнымъ занятіемъ, далеко не столь обременительнымъ и тяжелымъ, а именно—грабежемъ своихъ слабыхъ сосѣдей.

И въ самомъ дѣлѣ, могъ ли долго колебаться въ своемъ выборѣ между упорнымъ трудомъ земледѣльца и быстрымъ, хотя и сопровождавшимся извѣстною опасностью, аламаномъ (набѣгомъ) дикій туркмень — это дитя природы, этотъ смѣлый и подвижной номадъ съ его болѣе чѣмъ необременительнымъ багажемъ религіозныхъ и нравственныхъ воззрѣній? Ни сердце и совѣсть его, ни «благочестивые» муллы и ишаны—ничто не возбраняло ему заниматься грабежемъ и разбоемъ; соблазнъ же легкой добычи былъ слишкомъ великъ... И, конечно, онъ изошрялъ всѣ силы свои и способности, чтобы стать настоящимъ карабчи (разбойникомъ) и батыремъ (героемъ), и не стѣснялся предавать огню и мечу цѣлыя персидскія селенія, лишь бы добыть то, что ему было нужно...

И должно отдать справедливость этимъ дѣтямъ природы (не во вкусѣ, конечно, Жанъ-Жака Руссо), они довели «технику» своихъ аламановъ до высокой степени художественности. Все воспи-

таніе, какъ ихъ самихъ, такъ и ихъ ближайшихъ друзей и помощниковъ—лошадей, было приноровлено къ наилучшему выполненію разбойническихъ набѣговъ. Никакія разстоянія, никакія пустыни не были страшны для нихъ. Вездѣ находили дорогу ихъ хищныя шайки, и всюду несли онѣ съ собою смерть, огонь и тяжелое рабство. Жизнь человѣка и его страданія не имѣли въ ихъ глазахъ ни малѣйшаго значенія, и они избивали при сопротивленіи или уводили на веревкахъ въ плѣнъ и на продажу въ Хиву и Бухару сотни и тысячи несчастныхъ персіянъ и персіянокъ.

«На конѣ туркменъ не знаетъ ни отца, ни матери!» — гласить ихъ поговорка.

И, дѣйствительно, они не знали предѣловъ своему хищничеству и, будучи полными хозяевами закаспійскихъ степей и пустынь, гдѣ такъ легко было укрываться отъ преслѣдованій, грабили и нападали на все и на всѣхъ, не дѣлая даже различія между своими и чужими. «Тутъ всѣ грабили всѣхъ, и единственнымъ правомъ признавалась сила, — говоритъ ученый изслѣдователь Туркменіи, генералъ Н. Г. Петрусевичъ, столь безвременно погибшій въ той же Туркменіи во время осады Геокъ-Тепе ¹⁾, — сарыки ²⁾ нападали на салыровъ ²⁾, на текинцевъ ²⁾ и на бухарскія, хивинскія и персидскія земли. Текинцы дѣлали то же самое, грабя вдобавокъ еще и іомудовъ ²⁾ и гокланъ ²⁾; гокланы и іомуды тоже не оставались въ долгу. Но больше всего доставалось отъ туркменскихъ грабежей Персіи, ея сѣвернымъ и сѣверо-восточнымъ провинціямъ, составляющимъ громадную область, извѣстную подъ именемъ Хорасана. Сюда обрушивались и іомуды, и гокланы, и текинцы Ахала, и текинцы Мерва, и салыры, и сарыки. Весь сѣверъ Хорасана и вся восточная часть его до границы съ Гератомъ были разорены окончательно, и теперь ³⁾ по этимъ мѣстностямъ встрѣчаются только развалины бывшихъ деревень. Въ одномъ только округѣ Пяссъ-и-Кухъ-и-Харабѣ, лежащемъ по лѣвому берегу рѣки Герируда, насчитывалось до 460 деревень, отъ которыхъ теперь не осталось и двадцати, и къ названію этого округа «Пяссъ-и-Кухъ» прибавилось слово «харабѣ» (разоренный), такъ что теперь этой части Хорасана никто иначе не называетъ, какъ «Пяссъ-и-Кухъ-и-Харабѣ», то-есть округомъ загорныхъ развалинъ. Почти то же встрѣчается и на сѣверѣ провинцій: Келата, Дерегеза, Кучана и Буджнурда; поселенія держатся только тамъ, гдѣ они, пріютившись между скалъ, прикрыты недоступностью мѣстности. Во всѣхъ же другихъ мѣстахъ поселенія уничтожены... На хивинскихъ и бухар-

¹⁾ См. статьи его въ «Запискахъ Кавказскаго отдѣла императорскаго Русскаго географическаго общества», кн. IX, Тифлисъ, 1880.

²⁾ Туркменскія племена.

³⁾ Писано, какъ уже отмѣчено, до завоеванія Туркменіи Россіей.

скихъ владѣнiяхъ набѣги туркменъ не такъ отражаются... но и туда текинцы ежегодно приходятъ для грабежей. Такъ, въ 1876 г. былъ ограбленъ г. Питнакъ въ Хивѣ, а въ 1877 году текинцы уничтожили караванъ въ урочищѣ Балыклы, и въ томъ же году дѣлали нападенiя на селенiе Исмамудъ... Афганскимъ владѣнiямъ тоже достается немало, но тутъ уже арена сарыковъ. Они проникаютъ въ самую глубь Афганистана, увозя оттуда плѣнныхъ; округу же Маймэнъ достается болѣе всѣхъ»...

И слабые сосѣди ничего не могли подѣлать съ этими хищниками. Правда, и Хива, и Бухара, и особенно Персiя предпринимали походы въ глубь туркменскихъ степей и разоряли иногда ихъ поселки; но это не могло умѣрить необузданной дерзости грабителей. Измѣнить этотъ порядокъ вещей могла одна лишь Россiя. Уже съ занятiемъ Красноводска (1868 г.) прикаспiйскiе туркмены должны были стихнуть. Покоренiе же затѣмъ Хивы и Бухары закрыло для всѣхъ туркменъ важнѣйшiе рынки сбыта невольниковъ и тѣмъ отняло главный мотивъ къ грабежамъ—добычу плѣнныхъ для продажи. Но окончательнымъ ударомъ было, конечно, завоеванiе самыхъ гнѣздъ грабежа—Ахала (1881 г.), Мерва (1884 г.), Саракса, Иолотана и Пенде. А пораженiе афганцевъ на Кушкѣ (17-го марта 1885 года) доказало и нашимъ добрымъ друзьямъ англичанамъ, что Россiя стала твердой ногой во вновь присоединенныхъ областяхъ, и что никакiе корреспонденты, въ родѣ О'Донавана, и никакiе военные и дипломатическiе агенты, на подобiе капитана-бехадуръ Iэта или генерала-бехадуръ Лемседена, не въ состоянiи замутить тамъ воду въ своихъ личныхъ интересахъ.

И со времени этихъ событiй миръ и спокойствiе воцарились въ сосѣднихъ земляхъ, и несчастная Персiя вздохнула полной грудью...

Описанiю одного изъ такихъ-то набѣговъ (аламановъ) на эту многострадальную страну и посвященъ настоящiй рассказъ.

I.

Въ туркменской степи.

Весна въ самомъ началѣ, весна теплая и благоуханная...

Вся необъятная туркменская степь, политая обильными дождями, забыла зимнiе холода и вьюги и всѣмъ существомъ своимъ рвется навстрѣчу теплымъ солнечнымъ лучамъ. Самыя разнообразныя травы и цвѣты покрыли поверхность ея сплошнымъ ковромъ, и, уходя во всѣ стороны на десятки и сотни верстъ, ровной, какъ столъ, гладью стелется она вдоль и вширь, пока не встрѣтитъ на своемъ пути или горной цѣпи Копетъ-Дага, или ужасныхъ песча-

ныхъ пустынь, на которыхъ никакая весна и никакая влага не въ силахъ поднять или поддержать хотя бы самую жалкую животную или растительную жизнь...

Въ одинъ изъ такихъ прекрасныхъ весеннихъ дней, когда вся природа была проникнута общимъ жизнерадостнымъ настроеніемъ, по этой степи, уже въ предѣлахъ Ахальскаго оазиса ¹⁾, двигалась небольшая группа всадниковъ.

По одеждѣ и вообще по внѣшности въ нихъ не трудно было узнать самихъ владѣтелей степи—гордыхъ и неустрашимыхъ туркменъ-теке.

Въ теплыхъ ваточныхъ халатахъ и въ огромныхъ бараньихъ папахъ, съ ружьями разнообразныхъ системъ за плечами и съ кривыми клындами (саблями) у пояса, они двигались мелкой рысью, направляясь къ ставшему въ послѣдствіи знаменитымъ Голубому холму (Гекъ-тепе).

Впереди, немного отдѣлившись отъ остальной группы, ѣхало двое всадниковъ, халаты и оружіе которыхъ обличали большую состоятельность сравнительно съ остальными товарищами. Между ними шелъ горячій разговоръ.

— Найдѣмъ ли мы теперь охотниковъ поаламанить?—говорилъ одинъ изъ нихъ, молодой еще юноша, съ еле пробивающимися усами и бородой.

— Будь покоенъ, Оразъ-Берды,—отвѣтилъ ему его спутникъ, человѣкъ уже довольно пожилыхъ лѣтъ, съ большою хотя и довольно рѣдкой бородою:—будь покоенъ, на это дѣло всегда найдутся охотники. Что же и дѣлать доброму туркмену, какъ не ходить аламаномъ на подлыхъ и трусливыхъ кизилбашей ²⁾?

— Это вѣрно, Юсуфъ,—отвѣтилъ Оразъ-Берды:—но вѣдь теперь мы затѣваемъ не обыкновенный аламанъ. Мы хотимъ итти далеко въ Хорасанъ, къ самому Мешхеду.

— О, ты еще молодецъ, Оразъ-Берды, но пора бы знать и тебѣ, что для настоящаго туркмена только тамъ и утѣха, гдѣ больше опасностей. Что за слава схватить безоружнаго въ полѣ и утащить его въ свой аулъ! Нѣтъ, пройти, какъ ураганъ, по чужой странѣ, разгромить города и села, увести въ плѣнъ тысячи рабовъ и рабынь, набить хурджины серебромъ и дорогими вещами, вотъ это хорошо, на это способенъ только добрый туркменъ, не успѣвшій обабиться у подола матери или жены.

— Не говори такихъ словъ, Юсуфъ,—крикнулъ Оразъ-Берды, сверкая глазами и судорожно хватаясь за рукоять своего клында:—

¹⁾ Лучшая часть нынѣшняго Асхабадскаго уѣзда, въ восточной части которой расположенъ г. Асхабадъ, а въ западной—Кизиль-Арватъ.

²⁾ Такъ называютъ туркмены персіянь за то, что они красятъ себѣ волосы красной краской: кизиль—красный, башъ-голова (отсюда наша башка).

я не погляжу, что ты мой дядя, и что тебѣ поручилъ меня мой отецъ!... Если я и говорилъ объ опасностяхъ, то только потому, что боюсь, какъ бы онѣ не помѣшали намъ собрать большую партію, а за себя я не боюсь и готовъ доказать это передъ кѣмъ угодно.

— Ну, и горячъ же ты, Оразъ-Берды,—отвѣтилъ улыбаясь Юсуфъ: сейчасъ за клынчъ схватился! Видно, что—сынъ славнаго хана и сердаря ¹⁾. Даромъ, что тебя не выпускали еще изъ аула...

— Ты самъ знаешь, Юсуфъ, что я въ этомъ не виноватъ,—продолжалъ горячиться молодой туркменъ:—сколько разъ я тайкомъ уходилъ съ товарищами въ аламанъ, и всегда меня возвращали обратно, всегда отецъ и мать упрашивали не подвергать своей жизни опасности. А для чего же и жить, какъ не для опасностей? Вѣдь не для того же я родился, чтобы пасти барановъ и верблюдовъ, какъ кизилбаши, или торговать на базарѣ, какъ сарты!

— Правда, правда, Оразъ-Берды. Сынъ нашего хана самъ долженъ быть ханомъ и сердаремъ. Вотъ почему я и упростилъ твоего отца отпустить тебя теперь. Да поэтому же и думаю затѣять теперь аламанъ въ самую глубь Хорасана. Будетъ, гдѣ потѣшиться и разойтись тебѣ.

— Я уже это зналъ, Юсуфъ, и очень благодаренъ тебѣ и другимъ.

— А сейчасъ чуть было клынча на меня не обнажилъ,—замѣтилъ тотъ, улыбаясь.

— Не сердись за это, дядя: это я такъ, сгоряча.

— Знаю, знаю и не сержусь. Отцовская кровь ходитъ въ твоихъ жилахъ, и я вѣрю, что не одна персидская башка слетитъ съ плечъ отъ твоей руки. Однако, погоняй лошадь, а то намъ не одинъ агачъ ²⁾ еще остался впереди.

Оба всадника слегка ударили своихъ скакуновъ, и тѣ пошли крупнымъ галопомъ, любимымъ аллюромъ у туркменъ. За нимъ понеслись и остальные всадники.

Часа два продолжалась эта ѣзда, пока, наконецъ, вдали не показалась длинная глинобитная стѣна, изъ-за которой виднѣлись верхушки деревьевъ.

— Ну, теперь близко и Гѣкъ-тепе,—сказалъ Юсуфъ, сдерживая своего коня:—поѣдемъ потише и дадимъ отдохнуть нашимъ лошадямъ.

Всѣ послѣдовали этому приглашенію, и между Юсуфомъ и Оразъ-Берды завязался вновь разговоръ на ту же тему о предстоящемъ аламанѣ.

¹⁾ Предводителя отряда въ аламанѣ.

²⁾ Мѣра длины, равная приблизительно десяти верстамъ.

«истор. вѣстн.», июль, 1902 г., т. LXXXIX.

— Послушай, Юсуфъ,—говорилъ ему молодой спутникъ:—зачѣмъ ты задумалъ приглашать въ этотъ набѣгъ ахальскихъ теке ¹⁾? Развѣ мало однихъ нашихъ мервцевъ? Кликнуть кличъ, живо набралась бы тысяча, а то и болѣе молодцевъ...

— Да все для тебя же хлопочу,—отвѣтилъ улыбаясь Юсуфъ:—хочу, чтобы ты познакомился поближе съ ахальцами и не пренебрегалъ ими, когда впослѣдствіи самому придется быть сердаремъ и водить аламань. А потомъ отсюда удобнѣе вести дѣло, чѣмъ изъ нашего Мерва. Оттуда очень долго нужно итти степью, гдѣ хотя и есть трава въ эту пору, но мало воды. Изъ этихъ же мѣстъ, какъ ты самъ видишь, рукой подать до горъ, а за ними уже начинается Хорасанъ, гдѣ много воды и всякаго добра.

— Правда,—отвѣтилъ Оразъ-Берды:—хотя я уже и бывалъ въ Ахалѣ, но дѣйствовать вмѣстѣ съ ними мнѣ, конечно, не приходилось. Но посмотри, Юсуфъ, какъ будто кто-то ѣдетъ къ намъ навстрѣчу.

И дѣйствительно, впереди показалась группа всадниковъ, двигавшихся, очевидно, навстрѣчу нашимъ знакомцамъ. По мѣрѣ приближенія все яснѣе вырисовалось десятка два фигуръ въ тѣхъ же ваточныхъ халатахъ, съ тѣми же папахами на головахъ и клычачами у пояса.

— Это ахальцы прослышали уже о нашемъ приѣздѣ,—зимѣтилъ Юсуфъ:—и выѣхали къ намъ навстрѣчу. Дѣло, значитъ, идетъ хорошо, и можно надѣяться, что аламанъ состоится. Да, впрочемъ, и они вѣдь также любятъ кизилбашей и ихъ серебро, какъ и мы.

Не прошло и десяти минутъ, какъ обѣ группы всадниковъ съѣхались, и ахальцы, не сходя съ коней, задали мервцамъ обычный въ туркменской степи вопросъ.

— Ягы-му, иль-му (враги вы или друзья)?

— Мы прибыли друзьями,—отвѣтилъ Юсуфъ:—и привезли добрыхъ вѣсти отъ мервъ-теке. Теперь мы ждемъ гостепріимства отъ нашихъ братьевъ ахальцевъ.

Тогда хозяева сошли съ коней и привѣтствовали своихъ гостей по всѣмъ правиламъ восточнаго этикета. Ставъ другъ передъ другомъ и опустивъ глаза въ землю, они простояли такъ нѣкоторое время съ поднятыми вверхъ руками, а затѣмъ уже начали обмѣниваться дружескими рукопожатіями.

— Аманъ гелдингизъ (добро пожаловать)! — сказали ахальцы своимъ гостямъ.

¹⁾ Туркмены дѣлятся на разныя племена, изъ которыхъ самое воинственное и многочисленное — теке (текинцы), разбивающееся по мѣсту жительства на ахальскихъ (т.-е. Ахальскаго оазиса, гдѣ теперь Асхабадъ) и мервскихъ теке. Среди этихъ группъ есть еще свои подраздѣленія...

Затѣмъ, по окончаніи привѣтствій, всѣ сѣли снова въ сѣдла и тронулись вмѣстѣ къ недалекому уже оуба ¹⁾, все населеніе котораго высалпало навстрѣчу мервскимъ гостямъ и привѣтствовало ихъ криками и выстрѣлами изъ мултуковъ ²⁾.

II.

Джумъ-гуріе.

Утромъ на другой день по приѣздѣ Юсуфа и Оразъ-Берды въ Гѣкъ-тепе, на вольномъ воздухѣ около кибитки выборнаго хана ахальскихъ текинцевъ собрался джумъ-гуріе ³⁾ для обсужденія предложенія приѣхавшихъ мервцевъ о совмѣстномъ аламанѣ вглубь Персіи.

Немало тутъ было батырей, насчитывавшихъ на своемъ вѣку десятки аламановъ, но еще болѣе было молодыхъ людей, которые ни разу пока не вынимали клынча изъ ноженъ и въ народныхъ собраніяхъ, по установившемуся адату (обычаю), не рѣшались подавать своихъ голосовъ, а прислушивались къ тому, что говорили старшіе.

— Какую же вѣсть привезли намъ наши мервскіе друзья?—заговорилъ первымъ выборный ханъ, почтенный старикъ, пользовавшійся большимъ вліяніемъ среди своего племени:—надѣюсь, что кибитки ихъ стоятъ на тѣхъ же мѣстахъ, что среди нихъ нѣтъ болѣзней, и поля ихъ попрежнему хорошо орошены и даютъ богатые урожаи?

— Мервскій народъ привѣтствуетъ своихъ братьевъ-ахальцевъ и желаетъ имъ всякаго благополучія,—отвѣтилъ Юсуфъ, сидѣвшій рядомъ съ ханомъ и посадившій съ другой стороны отъ себя Оразъ-Берды:—мервцы желаютъ имъ, чтобы кибитки ихъ были полны рабами и всякимъ добромъ, и чтобы весь домашній скотъ ихъ давалъ хорошій приплодъ.

— Сагъ олъ, сагъ оласизъ (благодаримъ)!—раздались со всѣхъ сторонъ голоса, и всѣ присутствующіе погладили въ знакъ удовольствія свои бороды.

— А пришли мы сюда,—продолжалъ Юсуфъ:—чтобы звать своихъ братьевъ на большой аламанъ въ Персію. Давно уже кизилбашскіе города не видѣли на своихъ стѣнахъ туркменскихъ значковъ, и ихъ ильхани ⁴⁾ разжирѣли, думая, что мы здѣсь обабились и не смѣемъ больше забираться въ глубину Хорасана. Покажемъ же

¹⁾ Туркменское названіе населенныхъ пунктовъ. Русская администрація ввела теперь кавказское названіе аулъ, не употребительное у туркменъ.

²⁾ Ружья.

³⁾ Совѣщаніе, народное собраніе.

⁴⁾ Правители.

этимъ презрѣннымъ трусамъ, что наша сила и удалъ не прошли еще, и что туркмену на конѣ и при клынчѣ путь открытъ повсюду.

— Яхши, чохъ яхши (хорошо, очень хорошо),—заговорили и закричали кругомъ:—правда, правда, давно уже мы не ходили большой партіей на Хорасанъ, и пора напомнить тамъ вновь о себѣ. Мы и сами думали уже объ этомъ и хотѣли пригласить съ собою нашихъ братьевъ-мервцевъ.

— Благодарю отъ всего мервскаго народа,—отвѣтилъ Юсуфъ:—мы знали, что не встрѣтимъ отказа съ вашей стороны, и готовы сами итти въ Персію хоть черезъ недѣлю.

— И мы готовы,—раздались крики со всѣхъ сторонъ:—идемъ на кизилбашей! Соберемъ нѣсколько партій и нагрянемъ на самый Мешхедъ! Покажемъ этимъ разжирѣвшимъ свиньямъ, что туркменъ-теке хватить, чтобы забрать въ плѣнъ и отвести въ Бухару на веревкахъ весь Хорасанъ! Напомнимъ имъ, что клынчи наши рубятъ безъ промаха и сносятъ головы съ одного удара!

— Ну, на этихъ подлыхъ трусовъ незачѣмъ и вынимать клынчи изъ ноженъ,—сказалъ одинъ старый батырь съ сѣдой бородой и съ глубокимъ шрамомъ черезъ все лицо:—для нихъ достаточно однѣхъ плетей и веревокъ.

Голоса и крики все росли и росли. Каждый старался перекричать сосѣдей, каждый выражалъ или, лучше сказать, выкрикивалъ свое мнѣніе, не заботясь о томъ, что говорили другіе. Да, впрочемъ, это была бы и совершенно излишняя забота, такъ какъ насчетъ аламановъ у туркменъ никогда не бывало различныхъ мнѣній, и всякое время считалось пригоднымъ для нихъ...

А подъ эти крики наиболѣе зеленая молодежь уже вытаскивала изъ ноженъ свои клынчи, пробуя, хорошо ли они отточены и будутъ ли рубить съ одного взмаха кизилбашскія головы. Готовые хоть сейчасъ летѣть черезъ горы, молодые номады не хотѣли уже слушать дальнѣйшихъ переговоровъ и, горячо толкуя между собой, стали расходиться по селенію. И только наиболѣе солидная часть собранія осталась на мѣстѣ, обсуждая подробности предстоящаго аламана и необходимую численность партій.

— Мервъ-теке можетъ дать для этого аламана нѣсколько тысячъ коней,—говорилъ между прочимъ Юсуфъ:—но я думаю, что если мы соберемъ вмѣстѣ четыре партіи по тысячѣ коней каждая, то этого будетъ довольно, чтобы разорить хоть самый Мешхедъ.

— Хорошо,—отвѣтили хозяева:—у насъ, какъ вы сами видѣли, есть много молодцевъ, готовыхъ итти хоть сейчасъ. Мы всегда соберемъ, сколько потребуется. Нужно опредѣлить только время, чтобы подготовить и лошадей, и людей къ походу.

— У насъ уже все подготовлено, — сказалъ Юсуфъ: — черезъ 9—10 дней мы будемъ здѣсь съ своими молодцами.

— Яхши, гой ела олсунъ (хорошо, пусть будетъ такъ), — заговорили ахальцы: — дѣло, значить, готово. А пока мы просимъ васъ быть нашими гостями и принять отъ насъ угощеніе.

III

Т о й.

И въ тотъ же день къ вечеру выборный ханъ и другія выдающіяся лица ахальскаго племени чествовали мервцевъ, устроивъ для нихъ той (праздникъ).

Передъ большой кибиткой хана было послано нѣсколько кусковъ войлока, покрытыхъ сверху прекрасными текинскими коврами, ставшими, впрочемъ, отъ грязи и пыли почти не узнаваемыми. На этихъ коврахъ размѣстилось нѣсколько десятковъ старыхъ и молодыхъ туркменъ, при чемъ у самаго входа въ кибитку помѣстились самъ ханъ и наши знакомцы Юсуфъ и Оразъ-Берды. Передъ ними же лежала толстая, достаточно грязная скатерть изъ грубаго холста (достарханъ), и на ней одни за другими появлялись деревянныя блюда и чашки съ разными кушаньями.

Прежде всего появилось любимѣйшее блюдо всей Средней Азіи — палау (пловъ). Приготовленное совсѣмъ своеобразнымъ способомъ, не такъ, какъ готовятъ его въ Персіи или Турціи, это блюдо состояло изъ отдѣльныхъ не смѣшанныхъ между собою слоевъ: внизу — риса, плававшего въ курдючномъ салтѣ, затѣмъ — рѣпы, а сверху всего — нарѣзаннаго кусочками бараньяго мяса.

За пловомъ шелъ берекъ — супъ съ лепешками, начиненными рубленнымъ мясомъ и пряностями, потомъ торама — мягко разваренное лошадиное мясо съ лукомъ, рыбой и прибавкой муки, потомъ нѣсколько сортовъ каши...

И все это было такъ вкусно, а аппетиты пирующихъ такъ велики, что около получаса только и было слышно одно чавканье челюстей да тѣ мало гармоничные звуки, про которые говорятъ, что это душа съ Богомъ бесѣдуетъ.

А чтобы восполнить картину, добавлю, что единственнымъ орудіемъ для доставленія всѣхъ перечисленныхъ кушаній въ ротъ служила каждому его собственная пригоршня, и, надо отдать ей справедливость, она весьма ловко извлекала изъ чашекъ не только твердые куски мяса, но и полужидкія части пищи. Если же при этомъ тонкія струйки жидкости бѣжали между пальцами обратно въ чашку, а съ бороды или изъ рта скатывалось въ нее все, чему не суждено было въ данный моментъ попасть по назначенію, то это обстоятельство, конечно, нисколько не смущало остальныхъ

сотрапезниковъ, обходившихся тѣми же орудіями и тѣмъ же способомъ...

Немало было выпито затѣмъ зеленаго чая, айрана¹⁾ и чала²⁾, а неизбѣжный чилимъ³⁾ ходилъ изъ рукъ въ руки въ теченіе всего обѣда...

Во время пира, когда надо утолять голодъ, не мѣсто вести какіе бы то ни было и особенно серьезные разговоры. Какъ хозяева, такъ и гости прекрасно понимали это правило хорошаго мусульманскаго тона и оставили бесѣду на послѣобѣденное время, когда молодежь должна была, по случаю тоя, устроить скачку и столь любимую въ туркменской степи игру въ сѣраго волка (кокъ-бури).

Много великолѣпныхъ лошадей появилось передъ ауломъ въ открытомъ полѣ, когда ханъ объявилъ, что въ честь дорогихъ гостей онъ жертвуетъ въ видѣ приза наѣзднику-побѣдителю одну изъ своихъ красивыхъ рабынь-персіянокъ, а тому, кто прискачетъ вторымъ, — новую кибитку. Даже нашъ знакомецъ Оразъ-Берды не утерпѣлъ и по ханскому крику «кетъ» (пошелъ) полетѣлъ вмѣстѣ съ другими молодыми номадами къ еле виднѣвшемуся вдали одинокому холму, на которомъ заблаговременно были положены двѣ шапки — одна хана, а другая — Юсуфа. Ихъ-то и должны были доставить побѣдители въ знакъ того, что они опередили своихъ товарищей.

Лихая это была скачка, въ которой побѣдить могъ дѣйствительно только сильнѣйшій и наиболѣе ловкій. И какъ гордо глядѣлъ кругомъ Юсуфъ, когда всѣ увидѣли, что впереди другихъ несется обратно съ одною изъ шапокъ его племянникъ Оразъ-Берды.

— Молодецъ, молодецъ! — привѣтствовали его ханъ и почетные аксакалы⁴⁾, когда онъ, доскакавъ до оуба, быстро соскочилъ съ своего тяжело дышавшаго коня и подалъ хану его папаху: — рабыня твоя. Бери и вези ее съ собою въ Мервъ...

Во второй игрѣ кокъ-бури, состоявшей въ томъ, чтобы, доскакавъ ранѣе другихъ до назначеннаго мѣста, захватить тамъ барана и привезти его живымъ или мертвымъ обратно, не отдавъ другимъ, въ этой игрѣ Оразъ-Берды не принималъ участія, въ виду усталости своей лошади, и барана привезъ, хотя уже безъ переднихъ ногъ, оторванныхъ соперниками, и съ сильно пострадавшимъ туловищемъ, одинъ изъ сыновей хана, совсѣмъ молодой, еще безусый юноша, очень понравившійся Оразу, который не

¹⁾ Разведенное водой кислое лошадиное молоко.

²⁾ Такое же верблюжье молоко.

³⁾ Трубка въ родѣ упрощеннаго кальяна (дѣлается обыкновенно изъ тыквы).

⁴⁾ Сѣдобородые, старики.

замедлил тутъ же, въ знакъ зародившейся симпатіи, подарить ему въ видѣ приза рабыню и затѣмъ побрататься съ нимъ. Этими поступками онъ заслужилъ всеобщее одобреніе и закрѣпилъ связь между обоими племенами...

Долго еще продолжались шумъ и веселіе при свѣтѣ костровъ и взошедшей на небѣ полной великолѣпной луны.

Особенно большой кружекъ собрался около одного изъ костровъ, подлѣ котораго помѣстились рассказчики и столь любимые туркменами пѣвцы—бахши, съ ихъ двуструнными балалайками—ситарами.

Одинъ бахши, молодой еще туркменъ съ красивымъ, выразительнымъ лицомъ, одѣтый въ дорогой халатъ и игравшій на украшенной инкрустаціей ситарѣ, заслужилъ особое благоволеніе публики.

Онъ пѣлъ прекраснымъ теноромъ и съ огромнымъ чувствомъ. Разныя героическія пѣсни о Керъ-оглы и любимѣйшемъ національномъ героѣ и поэтѣ туркменъ Махдумъ-Кули занимали, конечно, первое мѣсто. Пѣніе это состояло изъ гортанныхъ, довольно однообразныхъ звуковъ и скорѣе напоминало щебетаніе птицы, чѣмъ пѣніе человѣка. Также однообразенъ былъ вначалѣ и аккомпанементъ, но по мѣрѣ развитія описываемыхъ дѣйствій и усиленія драматичности положенія бахши постепенно входилъ въ экстазъ и все сильнѣе и порывистѣе дергалъ за струны и ударялъ по инструменту. И этотъ энтузіазмъ пѣвца передавался его внимательнымъ слушателямъ и наэлектризовывалъ ихъ и безъ того приподнятое настроеніе. И они вслѣдъ за пѣвцемъ стали издавать глухіе стоны и дикіе крики, бросали свои шапки на землю, рвали на себѣ волосы и, казалось, готовы были сейчасъ же сѣсть на коней и летѣть въ бой, навстрѣчу приближающемуся свирѣпому врагу.

И долго еще мирная степь, далеко раскинувшаяся во всѣ стороны подъ мягкимъ серебристымъ свѣтомъ луны, оглашалась воинственными кликами расходившихся туркменъ, звуками ихъ барабановъ и выстрѣлами изъ мултуковъ и зембурековъ...

Подъ эти же выстрѣлы и громъ барабановъ выѣхали изъ Гекъ-тепе къ себѣ обратно наши знакомцы Юсуфъ и Оразъ-Берды, чтобы скорѣе добраться до Мерва и затѣмъ, собравши свои силы, привести ихъ въ Ахаль.

IV.

Въ аламанъ!

Не прошло послѣ описанныхъ событій и двухъ недѣль, какъ подъ стѣнами Гекъ-тепе, — тѣми самыми стѣнами, которыя черезъ короткое сравнительно время стали знаменитыми на весь міръ, — произошла встрѣча мервскихъ теке съ ахальскими.

И та и другая сторона уже вполне изготавились къ аламану, и любо-дорого было смотрѣть на всѣхъ этихъ молодцевъ, какъ

старыхъ, такъ и молодыхъ, вооруженныхъ длинными пиками съ крюками для захватыванія плѣнныхъ, громадными клынками у пояса и тяжелыми мултуками и зембуреками.

Но особаго вниманія заслуживали ихъ прекрасныя лошади, уже самой природой подготовленныя для длинныхъ и трудныхъ переходовъ, а особымъ специальнымъ воспитаніемъ доведенныя до высочайшей степени крѣпости и выносливости.

Происшедшая отъ смѣшенія арабской породы съ мѣстной ¹⁾, туркменская лошадь не отличается красотою статей, но на зна-тока, цѣнящаго въ конѣ внутреннія качества и способность къ большимъ переходамъ, она всегда производитъ самое лучшее впечатлѣніе.

При сухомъ тѣлѣ, съ подобраннымъ животомъ, съ длинной шеей и нѣсколько угловатой головой, высоко поднятой кверху, она отличается тонкими, но чрезвычайно мускулистыми ногами, сразу указывающими въ ней отличнаго ходока.

И дѣйствительно туркмены на своихъ лошадяхъ совершаютъ, или, вѣрнѣе сказать, совершали положительныя чудеса. Для нихъ не составляло особеннаго труда проходить до 600 верстъ въ 6—7 дней. И эта быстрота, въ связи съ крайней неприхотливостью и способностью оставаться подолгу безъ пищи и воды, давала туркменамъ громадныя преимущества и позволяла имъ совершать тѣ удивительныя набѣги—аламаны, которыми они приводили въ страхъ и трепетъ своихъ сосѣдей—персіянъ.

Но зато какъ холили и лелѣяли туркмены своихъ лошадей!

Ни жена, ни дѣти никогда не вызывали такихъ заботъ съ ихъ стороны, какъ лошадь. Ее воспитывали не въ табунѣ, а тутъ же въ особомъ помѣщеніи, близъ кибитки хозяина. И самъ владѣлецъ, взваливающій всю домашнюю работу на женщинъ и рабовъ и гнушавшійся самаго незначительнаго труда въ своемъ обычномъ обиходѣ, не щадилъ ни силъ, ни времени для ухода за лошадью. Онъ самъ кормилъ ее три раза въ день, самъ ухаживалъ за ней и по-

¹⁾ Сохранились преданія, что эта мѣстная порода была не хуже арабской и славилась высокими качествами еще во времена Искендера Дулькарнайна (Двурогаго, т. е. Александра Македонскаго). Марко Поло въ своемъ путешествіи по Татаріи (1286 г.) рассказываетъ, что въ тѣхъ странахъ, которыя теперь носятъ названіе Туркестана, существовали незадолго до его посѣщенія лошади, происходившія отъ Буцефала—коня Александра, и имѣвшія на лбу особый природный знакъ. Для нихъ былъ устроенъ особый конскій заводъ, принадлежавшій дядѣ одного изъ королей страны Баласіаны. Племянникъ-король пожелалъ пріобрѣсти этотъ заводъ въ свою собственность, а такъ какъ дядя не соглашался, то онъ приказалъ убить его. Королева же, возмущенная этимъ злодѣяніемъ, велѣла тайно придушить всѣхъ лошадей на заводѣ. Такъ и погибла эта рѣдкая конская порода... Тѣмъ не менѣе въ странѣ продолжали водиться прекрасныя лошади, замѣчательныя своей выносливостью и такой крѣпостью копытъ, что онѣ не нуждались въ подковахъ даже при переходахъ по горамъ и скаламъ.

степенно приучалъ ее къ сѣдлу и долгимъ труднымъ переходамъ. А передъ набѣгомъ онъ въ теченіе извѣстнаго времени тренировалъ ее, какъ наши набѣзники тренируютъ своихъ скакуновъ.

Чтобы приучить къ обычнымъ въ походѣ лишеніямъ, онъ постепенно уменьшалъ количество корма и въ то же время долго и быстро скакалъ на ней каждый день, давая затѣмъ ей воды и наблюдая, какъ она будетъ пить: если она пила долго и жадно, то это значило, что въ ней еще было много жиру, и что она нуждалась въ дальнѣйшей тренировкѣ. И вотъ онъ снова морилъ ее голодомъ и снова подвергалъ ежедневнымъ скачкамъ до тѣхъ поръ пока наконецъ не добивался требуемой худобы и выносливости...

Вотъ на такихъ-то прекрасныхъ скакунахъ и собрались знакомые намъ туркмены сдѣлать свой кровавый набѣгъ на Персію.

Задумавъ аламанъ въ широкихъ размѣрахъ, они не прибѣгали къ обычнымъ хитростямъ и уловкамъ и не наблюдали особенной тайны относительно своихъ плановъ. Но, впрочемъ, мало кто и изъ самихъ участниковъ набѣга зналъ настоящую цѣль его. Это должны были вѣдать лишь одни предводители, лишь одни сердары, которымъ, вопреки обычаямъ мирнаго періода, всѣ участники должны были повиноваться въ теченіе аламана подъ страхомъ смертной казни.

Пришедшіе за 300 верстъ мервскіе теке потребовали себѣ три дня отдыха, чтобы затѣмъ со свѣжими силами двинуться на кизилбашскія земли. Этотъ срокъ имъ былъ данъ, несмотря на горячее желаніе молодежи ринуться, какъ можно скорѣе, въ аламанъ.

И за этотъ срокъ были выбраны 4 сердаря¹⁾, по числу четырехъ партій, на которыя разбились участники похода—на двѣ партіи съ каждой стороны, мервской и ахальской. И эти опытные и искусные предводители выработали на своихъ совѣщаніяхъ всѣ подробности предстоящаго похода.

Передъ выступленіемъ же въ набѣгъ всѣ аламанички собрались въ стѣнахъ Гекъ-тепе и тутъ, при внушительной обстановкѣ, дали торжественную клятву повиноваться своимъ сердарямъ и взаимно поддерживать другъ друга до послѣдней крайности. А для закрѣпленія этой клятвы они прибѣгли къ освященному временемъ и преданіемъ дебу (обычаю).

Близъ cadaго изъ четырехъ угловъ крѣпости были вырыты неглубокія ямки, и къ нимъ подходили одинъ за другимъ всѣ аламанички и плевали въ нихъ. Ямки постепенно заполнялись слю-

¹⁾ Персидское слово, означающее стоящій во главѣ. Происходитъ отъ серъ—голова, и даръ—имѣющій (производное отъ даштенъ—имѣть).

ной, и когда не осталось болѣе ни одного, не исполнившаго этого обычая, ямки засыпали и сравнивали съ окружающей почвой ¹⁾).

— Теперь эта земля,—говорилъ, указывая на засыпанную ямку, нашъ знакомецъ Юсуфъ, выбранный сердаремъ въ одной изъ двухъ партій мервскихъ теке:—эта земля будетъ свидѣтельницай вашей клятвы. Нарушившій ее не будетъ достоинъ имени туркмена и будетъ преданъ смерти или выброшенъ изъ нашей среды, какъ послѣдняя собака.

И онъ сурово оглянулъ всѣхъ окружавшихъ его, и каждый туркмень, шедшій въ аламанъ впервые, понялъ, что это не шутка, и что теперь онъ лишился самостоятельнаго голоса и долженъ идти, куда велятъ, и дѣлать то, что прикажутъ.

V.

Бей, руби кизилбашей!

«Если непріятель грабить домъ твоего
отца, грабь вмѣстѣ съ нимъ».

Туркменская поговорка.

Близился разсвѣтъ. Въ воздухѣ было свѣжо и тихо. По небу плылъ сильно убывшій уже дискъ луны и, то прячась за облака, то вновь показываясь между ними, освѣщалъ роскошную персидскую долину съ разбросанными по ней селеніями. Небольшая рѣчка, журча въ пологихъ берегахъ, сверкала подъ лучами мѣсяца и извивалась среди сочныхъ пажитей и богатыхъ, покрытыхъ уже густою листвою садовъ.

Все было тихо кругомъ. Вся природа спала крѣпкимъ предразсвѣтнымъ сномъ. Спали вмѣстѣ съ ней и обладатели этихъ прекрасныхъ полей и садовъ, богатые и бѣдные персіяне, не чувствуя и не подозрѣвая надвигавшейся на нихъ бѣды.

А бѣда была уже близка, и мечъ былъ занесенъ надъ ихъ головами.

И при неровномъ, слабомъ свѣтѣ луны не трудно было замѣтить спускавшіяся съ горъ, охватывавшихъ долину, большія, темныя группы всадниковъ. Ихъ было нѣсколько, и всѣ онѣ, отдѣльно одна отъ другой, двигались молча и тихо къ разбросаннымъ по долинамъ селеніямъ. Бывалые скакуны осторожно и почти неслышно ступали на мокрую отъ росы землю, а всадники лишь изрѣдка обмѣнивались между собой отдѣльными словами, стараясь говорить, какъ можно тише, и не нарушая господствовавшаго въ природѣ молчанія.

¹⁾ Объ этомъ оригинальномъ обычаѣ авторъ лично слышалъ нѣсколько разъ, а затѣмъ нашелъ подтвержденіе въ печатныхъ матеріалахъ («Закаспійское Обозрѣніе» 1898 г., «Ежемѣсячныя приложенія», № 1).

Но вдругъ рѣзкій, полный ужаса крикъ раздался въ воздухѣ и понесся во всѣ стороны. И вслѣдъ за нимъ раздались другой и третій крики, и гулкое эхо понесло ихъ въ разные концы долины...

А въ отвѣтъ на эти крики заночевавшихъ въ полѣ мальчиковъ-пастуховъ слышались дикія завыванія и бѣшеные вопли, способные оледенить кровь въ жилахъ самаго безстрашнаго человѣка. И всѣ эти темныя группы всадниковъ, какъ бы по одному общему знаку, ринулись впередъ къ заранѣ намѣченнымъ цѣлямъ и адскими криками подгоняли летѣвшихъ во весь махъ рьяныхъ скакуновъ своихъ.

Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ эти бурно несшіяся волны ударились о глинобитныя стѣны персидскихъ селеній. И въ отвѣтъ на дикія завыванія сыновъ свободной Туркменіи слышались вопли и стоны мирныхъ поселянъ, вскочившихъ среди сна и метавшихся по узкимъ и кривымъ переулкамъ въ полномъ безуміи отъ ужаса и отчаянія.

— Бей, руби подлыхъ кизилбашей! — кричалъ вскочившій въ главѣ своей шайки въ одинъ изъ ауловъ извѣстный уже намъ сердаръ Юсуфъ.

И, какъ ураганъ, несся онъ впереди другихъ и, будто тѣшась и играя, разсыпалъ направо и налево тяжелые удары своего остраго клынча, сразу однимъ взмахомъ снося головы или разсѣкалъ тѣла пополамъ.

А за нимъ слѣдомъ мчались и другіе туркмены, добивая всѣхъ встрѣчныхъ, которые не успѣли спрятаться и уйти отъ меча преслѣдователей...

Дикіе вопли, стоны и крики, жалобное мычаніе скота, лай и вой собакъ, выстрѣлы изъ мултуковъ—все это сливалось въ одинъ общій хаосъ звуковъ и неудержимой волной несло въ даль и тамъ сталкивалось съ такими же волнами полныхъ ужаса и дикаго, бѣшеннаго торжества звуковъ.

Всѣ аулы по долинѣ однимъ взмахомъ перешли въ руки номадовъ. Сопротивленія они не встрѣтили никакого, и всѣ эти пролитые ручьи крови, эти снесенныя сотнями головы, эти изрубленныя тѣла мужчинъ, женщинъ и дѣтей, эти пылающія сакли—все это было излишней жертвой богу мести и дикаго насилія.

И при свѣтѣ горящихъ домовъ, а затѣмъ и поднявшагося солнца возбужденные кровью номады продолжали свое ужасное дѣло убійства и грабежа.

Убивали, впрочемъ, уже немногихъ, такъ какъ это становилось убыточнымъ для кармановъ: зачѣмъ уничтожать этихъ собакъ—шитовъ, зачѣмъ сносить имъ ихъ красныя головы, если за нихъ на правовѣрныхъ суннитскихъ базарахъ въ Хивѣ и Бухарѣ дадутъ по нѣсколько тумановъ. А женщины-рабыни, онѣ, вѣдь, могутъ быть оставлены дома для работъ въ кибиткѣ и въ полѣ, а при молодости и красотѣ—и для любовныхъ утѣхъ своего хозяина.

Но дѣти—къ чему могутъ служить эти маленькія щенята, съ которыми только возня и забота, которыхъ нужно тащить на сѣдлѣ, а потомъ долго растить и кормить, пока, наконецъ, они будутъ въ состояніи впрячься въ хозяйское ярмо и обрабатывать его поле ¹⁾? Бейте же и кидайте въ огонь этихъ маленькихъ отродій! Слышите, какъ пріятно шипятъ на огнѣ ихъ нѣжныя тѣла, какъ уморительно пищатъ они и какъ смѣшно корчатся среди пылающихъ обломковъ?!..

Но что это за крики несутся изъ того отдаленнаго края аула. Неужели же среди этихъ мирныхъ и обезумѣвшихъ отъ ужаса поселянъ нашлись таки храбрецы, рѣшившіеся съ оружіемъ въ рукахъ защищать свою жизнь, свободу и имущество отъ звѣрства дикихъ номадовъ?

Нѣтъ, то была лишь ссора между самими грабителями, столкнувшимися у одной и той же добычи. И добычей этой была молодая и удивительно красивая дѣвушка—персіянка, стоявшая въ одной рубахѣ у стѣны загоравшейся сакли и высоко поднявшая правой рукой кинжалъ, готовый вонзиться въ перваго, кто подойдетъ къ ней.

Но, конечно, не эта геройская поза и не это мужество въ слабой дѣвущкѣ удерживали окружившихъ ее туркменъ отъ нападенія: вѣдь одного удара длиннымъ клынцемъ было бы достаточно, чтобы выбить кинжалъ изъ слабыхъ рукъ и завладѣть заманчивой добычей... Но именно эта-то заманчивость жертвы, эта удивительная красота дѣвушки, дававшая ей особенную цѣну даже въ глазахъ дикихъ номадовъ, и послужили ей на пользу, возбуждивъ среди грабителей взаимную зависть и желаніе захватить лакомый кусокъ въ свои руки.

И ближе всѣхъ къ дѣвущкѣ стоялъ нашъ знакомецъ Оразъ-Берды. Съ высоко поднятымъ клынцемъ онъ загородилъ ее своимъ тѣломъ отъ напавшихъ со всѣхъ сторонъ туркменъ и громкимъ повелительнымъ голосомъ заявлялъ, что она принадлежитъ ему по праву, такъ какъ онъ первый проникъ въ саклю и первый же замѣтилъ тамъ эту дѣвушку.

Однако, слова молодого номада встрѣтили оживленные протесты среди окружающихъ. Нѣсколько голосовъ заговорило и закричало кругомъ, доказывая свои права на дѣвушку. А отъ словъ, взаимныхъ угрозъ и все усиливавшихся криковъ ссора была уже готова перейти въ кровавую схватку. Уже клынчи засверкали въ воздухѣ и поднялись надъ головами спорящихъ, какъ вдругъ могучій и

¹⁾ Впрочемъ, авторъ долженъ отмѣтить, что въ большинствѣ случаевъ туркмены забираютъ въ плѣнъ и дѣтей и затѣмъ или оставляютъ ихъ у себя, воспитывая, какъ своихъ сыновей—и тогда изъ этихъ воспитанниковъ выходятъ обыкновенно самые отчаянные разбойники—или продавая ихъ въ Хивѣ и Бухарѣ.

повелительный голосъ раздался около толпы и заставилъ ее разступиться, чтобы дать дорогу подошедшему.

То былъ сердаръ Юсуфъ, поспѣшившій къ мѣсту происшествія, дабы личнымъ присутствіемъ и своей неограниченной властью прекратить готовившуюся кровавую схватку.

— Это что такое?—громовымъ голосомъ прокричалъ онъ:—кто осмѣлился начать эту ссору? Кто рѣшился первый поднять клынчъ на своего брата изъ-за проклятой шіитки? Тотчасъ же вложить клынчи въ ножны и разойтись отсюда! А кто ослушается, тотъ будетъ имѣть дѣло со мною...

И сердаръ обвелъ своими грозными, сверкающими глазами толпу номадовъ. И всѣ взоры потупились, всѣ сабли скользнули въ ножны. Только одинъ Оразъ-Берды, хотя и опустившій клынчъ по примѣру другихъ, не потупилъ своихъ глазъ и рѣшительнымъ тономъ заявилъ дядѣ, что онъ не отступится отъ своего права, и что эта дѣвушка—его законная добыча, такъ какъ онъ первый нашелъ ее въ саклѣ.

— Молчать!—грозно крикнулъ на него Юсуфъ:—здѣсь я одинъ говорю и распоряжаюсь! Мурадъ-Гуссейнъ-оглы, возьми эту дѣвушку подъ свою охрану. Въ свое время она будетъ отдана тому, кому принадлежитъ по праву, а пока ты присоедилишь ее къ общей нашей добычѣ.

Никто, даже и Оразъ-Берды, не осмѣлился противорѣчить этому властному приказу, и всѣ посторонились, чтобы дать дорогу уходившему сердарю.

А виновница всей этой сцены, хотя и не понявшая ни одного слова изъ разговора туркменъ, стояла между тѣмъ въ той же геройской позѣ у стѣны загорѣвшейся сакли. Но когда она увидала, какъ всѣ клынчи исчезли въ ножнахъ, и поняла, что непосредственная опасность миновала для нея, она потеряла все свое мужество, поддерживавшее ее до сихъ поръ. Ноги подкосились у нея, и она съ истерическимъ воплемъ опустилась на землю.

Мурадъ-Гуссейнъ-оглы подошелъ тутъ къ ней, чтобы исполнить приказъ сердаря. Но только что онъ успѣлъ прикоснуться къ рукѣ дѣвушки, какъ она, будто подъ вліяніемъ электрическаго тока, вновь вскочила на ноги и приняла свою прежнюю героическую позу. Однако, теперь ничто уже не могло отсрочить ея захвата. Мурадъ однимъ движеніемъ клынча выбилъ у нея изъ рукъ кинжалъ и, ловко обхвативъ, скрутилъ ей руки сзади веревкой. И, понявъ свою безпомощность, бѣдная дѣвушка перестала сопротивляться и только истерическимъ плачемъ выразила свой протестъ противъ грубаго насилія.

А на этотъ вопль изъ сосѣдней, наполовину уже сгорѣвшей сакли выбѣжала вдругъ какая-то пожилая женщина съ груднымъ младенцемъ на рукахъ и, какъ пантера, набросилась на Мурада,

стараясь оттолкнуть его и развязать руки дѣвушки. Но подскокившіе туркмены быстро овладѣли этой новой жертвой, вырвали у нея младенца, бросивъ его въ самую середину пламени, и скрутили ей руки, а чтобы она не оглашала воздуха своими неистовыми криками, заткнули ей ротъ тряпкой.

То была мать бѣдной дѣвушки, спрятавшаяся сначала съ своимъ маленькимъ сыномъ въ далекомъ углу сакли, но потомъ выгнанная оттуда пожаромъ и истерическимъ воплемъ своей дочери. Въ дикомъ отчаяніи билась она и каталась по землѣ, пока, по знаку Мурада, ея вмѣстѣ съ дочерью не подхватили на руки и не отнесли въ поле, гдѣ и посадили около груды награбленныхъ вещей и среди толпы такихъ же плѣнниковъ и плѣнницъ.

Не прошло и получаса послѣ описанной сцены, какъ цвѣтущій еще вчера аулъ превратился въ груды развалинъ и пепла, а все уцѣлѣвшее его населеніе, вмѣстѣ съ домашнимъ скотомъ и разнымъ движимымъ имуществомъ, было собрано на сосѣдней полянѣ.

Сюда же постепенно собрались и хозяева награбленного — эти дикіе хищники, для которыхъ человѣческіе вопли—лучшая музыка, а видъ чужихъ страданій—пріятнѣйшее зрѣлище.

Подъ предѣлательствомъ самого сердаря собрался совѣтъ изъ почетнѣйшихъ туркменъ и рѣшилъ, не производя дѣлежа добычи, отправить ее, подъ начальствомъ Мурада-Гуссейинъ-оглы въ Ахалътеке, а остальному отряду спѣшить на условленное мѣсто для дальнѣйшаго выполненія заранѣе намѣченного плана набѣга.

VI.

Итти или не итти на Мешхедъ?

Широкой и бурной волной разлились по Хорасану шайки дикихъ туркменъ.

Разбившись на мелкія партіи и пробравшись незамѣченными въ среднія части провинціи, они затѣмъ вошли въ связь между собой и двинулись на сѣверъ, забирая въ полонъ все годное къ труду населеніе и грабя цѣнное имущество, а все остальное предавая мечу и огню.

Отчаяніе и ужасъ распространились среди персіянъ, и они, не полагаясь уже на глинобитныя стѣны селеній, бросали свои жилища и уходили въ горы, еле слышавъ о приближеніи надвигавшейся бури, одинъ изъ взрывовъ которой описанъ въ предшествующей главѣ. А если кое-гдѣ и встрѣчались храбрецы, готовые съ оружіемъ въ рукахъ защищать свою жизнь и достояніе, то они представляли только каплю въ этомъ общемъ морѣ отчаянія и апатіи и гибли безплодно подъ ударами враговъ...

Не доходя нѣсколькихъ переходовъ до столицы Хорасана—г. Мешхеда, туркмены встрѣтили новыя партіи своихъ сородичей, при-

шедшія за ними изъ Ахала и Мерва съ тою же цѣлю грабежа. Такимъ образомъ силы ихъ почти удвоились, и теперь можно было идти хотя бы на самый Тегеранъ...

Но, тѣмъ не менѣе, по мѣрѣ приближенія къ Мешхеду номады становились все осторожнѣе и осмотрительнѣе.

Дѣло въ томъ, что въ этомъ большомъ и торговомъ городѣ, глубоко чтимомъ всѣми персіянами въ виду нахождения въ немъ гробницы святого имама Ризы, стоялъ сравнительно значительный гарнизонъ, а по слухамъ въ его стѣнахъ стало собираться и все способное носить оружіе население сосѣднихъ деревень. Сверхъ того, стѣны его были вооружены, хотя и мало дѣйствительными, но все-таки весьма страшными для туркменъ пушками.

Всѣ эти свѣдѣнія нашли себѣ подтвержденіе, какъ въ донесеніяхъ туркменскихъ лазутчиковъ, такъ и въ разсказахъ плѣнныхъ персіянъ, передававшихъ много всякихъ извѣстій о вооруженіи Мешхеда. И, конечно, подобное положеніе вещей не могло нравиться дерзкимъ, но въ то же время осторожнымъ туркменамъ, руководствовавшимся въ своихъ аламанахъ мудрымъ правиломъ: «попробуй разъ, попробуй два, а на третій ступай назадъ». А тутъ, пожалуй, и первая-то проба могла быть очень опасной!

Не мудрено поэтому, что вмѣсто предполагаемаго ранѣе быстрого и непосредственнаго нападенія на Мешхедъ туркмены рѣшили обсудить, какъ слѣдуетъ поступить при данныхъ условіяхъ. И для этой цѣли всѣ шайки грозныхъ грабителей собрались въ одномъ изъ горныхъ ущелій, и пока люди и лошади отдыхали отъ трудовъ похода, сердари и выдающіяся батыры сошлись около костра на маслахать, водрузивъ тутъ же значки партій съ конскими хвостами и полудуніями или съ шелковыми полотнищами съ вышитыми на нихъ различными фигурами.

И когда неизбежный чилимъ обошелъ кругъ вождей, начался обменъ мнѣній между ними.

Много было высказано при этомъ различныхъ предположеній.

— Нужно сейчасъ же идти на Мешхедъ,—говорилъ одинъ изъ молодыхъ еще богатырей, энергично жестикулируя и сверкая своими черными глазами:—нужно немедленно напасть на городъ и разграбить его! Чего бояться этихъ подлыхъ кизилбашей? Если бы ихъ собралось тамъ хоть въ десять разъ больше, хотя бы все населеніе Хорасана, то и тогда достаточно было бы послать на нихъ нашихъ женщинъ, и онѣ забрали бы въ плѣнъ всѣхъ этихъ трусовъ! А насъ здѣсь вонъ сколько, и все какіе молодцы!..

— Нѣтъ, нѣтъ,—возразилъ ему сидѣвшій рядомъ сердаръ съ небольшой сѣдой бородкой:—не дѣло ты говоришь, Танатаръ. Зачѣмъ намъ нападать на Мешхедъ и вести въ жестокую битву нашихъ воиновъ? Мало развѣ мы собрали уже добычи, двигаясь сюда? У каждаго изъ насъ есть уже довольно имущества, рабовъ и ра-

бынь. Не нужно совѣмъ ходить на Мешхедъ. Одна капля крови туркмена не стоитъ цѣлой рѣки поганой шіитской крови. А тамъ безъ боя дѣло не обойдется. Лучше не ходить туда, а разграбить сосѣднія селенія, гдѣ много есть всякаго добра, и гдѣ можно набрать еще много плѣнныхъ...

— Ну, Хидыръ-Кули,—набросился на него Танатаръ,—если бы ты не былъ такимъ извѣстнымъ батыремъ и нашимъ сердаремъ, я подумалъ бы, что ты трусишь, и что тебѣ лучше было бы сидѣть дома и дѣлать ковры, чѣмъ водить въ аламанъ нашихъ храбрецовъ.

— Танатаръ!—грозно крикнулъ сердаръ, выпрямляясь во весь ростъ и хватаясь за свой клынчъ.

Но, остальные вожди поспѣшили успокоить ихъ и не дали разгорѣться ссорѣ. Да и къ тому же мнѣніе Хидыръ-Кули не осталось безъ поддержки, такъ какъ нѣсколько наиболѣе осторожныхъ голосовъ также высказалось за оставленіе въ сторонѣ Мешхеда, гдѣ неизбежно пришлось бы пролить немало туркменской крови.

Но верхъ одержало мнѣніе сердаря Юсуфа, который своимъ планомъ сумѣлъ примирить самые противоположные интересы.

— Зачѣмъ намъ отказываться отъ той добычи, которая сама ждетъ насъ въ Мешхедѣ?—говорилъ онъ:—все, что мы собрали до сихъ поръ, все это пустяки въ сравненіи съ тѣмъ, что можно найти въ этомъ богатомъ городѣ. Каждый изъ насъ унесетъ отсюда груды дорогихъ товаровъ, шелковыхъ матерій, ковровъ. А народу тамъ собралось столько, что мы не въ состояніи будемъ перевязать всѣхъ и столько нагонимъ ихъ на базары Хивы и Бухары, что потомъ долго совѣмъ не нужно будетъ ходить на аламанъ. Правду ли я говорю?

— Правду, правду,—заговорили кругомъ.

— А если это правда, то, значитъ, нужно итти на Мешхедъ,—продолжалъ Юсуфъ,—да и намъ ли, храбрымъ туркменамъ, бояться этихъ подлыхъ трусовъ, которые сами подставляютъ свои шеи подъ веревку? Конечно, нужно жалѣть нашу чистую кровь, и нельзя равнять её съ поганой шіитской кровью. Но кому судьба умереть въ бою, тотъ все равно умретъ, сколько бы ни берегся. Да и не отомстимъ мы, какъ слѣдуетъ, кизилбашамъ за ихъ набѣги на наши земли и за мученія нашихъ плѣнныхъ, если не возьмемъ и не разграбимъ Мешхеда!

— Яхши, яхши,—заговорили и закричали кругомъ, при чемъ особенно громко раздавался голосъ Танатара:—идемъ на Мешхедъ, разграбимъ его и предадимъ все мечу и огню!

— Но нужно беречь нашу кровь,—продолжалъ Юсуфъ, когда волненіе нѣсколько улеглось:—зачѣмъ мы пойдемъ на городъ сейчасъ, когда тамъ все насторожѣ, и насъ готовы встрѣтить и ружья-

ми и пушками? Нужно употребить хитрость, обмануть ихъ и напасть тогда, когда они совсѣмъ не будутъ насъ ждать...

— Трудно обмануть хитраго, какъ лисица, персюка, когда онъ насторожѣ,—замѣтилъ Хидыръ-Кули.

— Да, они трусы и потому хитры, — отвѣтилъ ему Юсуфъ, — но обмануть ихъ все-таки можно. Мы вотъ какъ сдѣлаемъ. Пускай часть нашихъ воиновъ идетъ теперь же къ Мешхеду, но не такъ, какъ предлагалъ Танатаръ, не для того, чтобы сейчасъ напасть на городъ. Пускай эта партія только видъ дѣлаетъ, что хочетъ взять городъ: пускай она бросится на стѣны разъ или два, а потомъ и отступить совсѣмъ оттуда. Персюки и подумаютъ, что они отбили насъ, и перестанутъ бояться и беречься. Вотъ тогда-то мы и нападѣмъ на нихъ всѣми нашими силами. А пока передовая партія будетъ ходить къ Мешхеду, остальные будутъ ждать здѣсь или уйдутъ куда нибудь подальше, но только, чтобы во-время опять сойтись и ударить вмѣстѣ всѣми нашими силами на Мешхедъ. Хорошо ли такъ будетъ?

— Хорошо, очень хорошо, — отвѣтили всѣ вожди, и только одинъ старый Хидыръ-Кули продолжалъ настаивать на томъ, чтобы совсѣмъ бросить столицу Хорасана и не ходить туда; но никто уже и слушать его не хотѣлъ. Каждый лелѣлъ разыгравшіяся мечты о той громадной добычѣ, которая ждетъ его въ богатомъ городѣ.

Еще нѣкоторое время просидѣли вожди за костромъ, обсуждая подробности плана, предложеннаго Юсуфомъ.

Въ передовую партію, на которую возлагалась демонстрація, рѣшено было отрядить половину всѣхъ наличныхъ силъ, чтобы «персюки» не догадались, что это одинъ лишь обманъ со стороны туркменъ. А остальная затѣмъ часть должна была двинуться на западъ, гдѣ лежало много богатыхъ селеній, и откуда мѣстный илъхани (правитель) прислалъ тайно уже двухъ посланцевъ, приглашая къ себѣ «дорогихъ гостей» и обѣщая имъ хорошую добычу.

Какъ это ни странно, но правители персидскихъ областей извлекали однѣ лишь выгоды изъ набѣговъ туркменъ на подвѣдомственные имъ земли.

Благодаря аламанамъ, илъхани сохраняли за собой разныя льготы, предоставленныя имъ центральнымъ правительствомъ относительно сбора податей и отбыванія военной повинности мѣстнымъ населеніемъ. Тогда какъ правители другихъ областей должны были посылать большее или меньшее количество податей въ Тегеранъ, илъхани сѣверныхъ провинцій, страдавшихъ отъ набѣговъ туркменъ, даже получали отъ шаха значительныя суммы для содержанія у себя въ постоянной готовности военной силы, способной отразить нашествіе хищниковъ.

Но, конечно, при томъ глубокомъ развращеніи, которое существовало, да существуетъ и теперь, среди персидскихъ чиновниковъ, и при полной ихъ деморализаціи, деньги эти, а равно и подати, шли въ ихъ собственные карманы, и они богатѣли, оставляя подвластное населеніе на произволъ судьбы. И когда шайки дикихъ номадовъ почему либо долго не приходили, и, слѣдовательно, обстоятельства грозили отнятіемъ установившихся уже льготъ и выгодъ «военнаго положенія», то сами илъхани и серкерде (владѣтели деревень) посылали тайно своихъ вѣрныхъ слугъ къ туркменамъ, любезно приглашая ихъ пожаловать и пожать обильную жатву...

VII.

О т б и т ы.

Въ ту же ночь, когда состоялось совѣщаніе, описанное въ предшествующей главѣ, туркмены приступили къ исполненію плана, предложеннаго Юсуфомъ. И Мешхеду, вѣроятно, пришлось бы сильно пострадать, если бы счастливое стеченіе обстоятельствъ не избавило его отъ этого разгрома...

Сердарь Юсуфъ, поставленный во главѣ той партіи, которая должна была произвести демонстрацію къ столицѣ Хорасана, прекрасно исполнилъ взятую на себя задачу.

Ни въ чемъ не измѣняя обычной тактикѣ аламановъ, черезъ три дня послѣ описанныхъ событій, подошелъ онъ въ темную ночь къ Мешхеду. Но, конечно, движеніе это, несмотря на приданный ему обычный характеръ скрытности и внезапности, не ускользнуло отъ вниманія насторожившихся персіанъ, и Юсуфъ встрѣтилъ тутъ полную готовность къ бою, запертыя ворота и дымящіяся пушки на стѣнахъ. Хотя ему, въ цѣляхъ одной лишь демонстраціи, достаточно уже было только показаться подъ стѣнами города, но онъ рѣшилъ, для полного обмана осажденныхъ, сдѣлать еще ложную атаку.

Разбивъ своихъ воиновъ на мелкіе отряды, онъ передъ разсвѣтомъ повелъ ихъ на приступъ. Туркмены выполнили все, что дѣлали въ подобныхъ случаяхъ, но, конечно, они легко были отбиты и быстро ушли, не повторяя своей попытки, но все-таки оставляя за собой грозные слѣды аламана въ видѣ горящихъ подгородныхъ поселковъ и увозя съ собой большія стада скота, который хозяева не успѣли во время спрятать.

А черезъ нѣсколько дней послѣ этого, когда въ Мешхедѣ успѣли уже успокоиться послѣ отбитаго аламана и вознести молитвы передъ гробницей имама Ризы за избавленіе отъ грозившей бѣды, въ мрачную и бурную ночь весь соединенный отрядъ туркменъ, прошедшій въ 5—6 часовъ громадное разстояніе, собрался вблизи

города, занявъ опустѣвшіе подгородные сады. И тутъ, въ полной тишинѣ и строгомъ порядкѣ, были окончательно распредѣлены тѣ задачи, которыя выпадали на долю каждого отдѣльнаго начальника.

Главной цѣлью атаки была выбрана восточная стѣна, оказавшаяся, по собраннымъ справкамъ и по свѣдѣніямъ, добытымъ Юсуфомъ, наиболѣе доступной. Всѣ лошади были оставлены въ занятыхъ садахъ подъ присмотромъ части воиновъ, а остальные юмады, забравъ съ собою заранѣе приготовленные лѣстницы, двинулись въ тишинѣ и порядкѣ къ намѣченной цѣли.

Но имамъ Риза уберегъ свой городъ отъ грозной опасности...

Среди персидскихъ сарбазовъ (солдатъ) во всякое время бывало, какъ есть и теперь, извѣстное количество русскихъ бѣглыхъ солдатъ. Бѣгутъ они и отъ строгости службы, и изъ жажды къ новизнѣ, и отъ страха передъ грозящимъ за что либо наказаніемъ... Въ Персіи же такихъ дезертировъ встрѣчали всегда съ большимъ удовольствіемъ и назначали въ свои войска, хотя предварительно заставляли все-таки принимать мусульманство и совершали установленное обрѣзаніе. При извѣстныхъ способностяхъ и умѣнии понравиться начальству, многіе изъ этихъ дезертировъ быстро двигались въ служебной іерархіи и достигали иногда весьма почетнаго положенія.

Нѣсколько такихъ бѣглецовъ было и въ стѣнахъ Мешхеда во время описываемыхъ событій. Одинъ же изъ нихъ, получившій въ персидской службѣ имя Якубъ-хана, занималъ даже большой постъ начальника всѣхъ войскъ въ священномъ городѣ.

Прошедши у себя на родинѣ лишь небольшой практическій курсъ военнаго дѣла, но будучи одаренъ отъ природы хорошими способностями и призваніемъ къ своей службѣ, что собственно въ связи съ страстью къ приключеніямъ и заставило его бѣжать въ Персію,—Якубъ-ханъ сумѣлъ въ короткое время своего пребыванія въ Мешхедѣ обучить болѣе или менѣе сносно порученныхъ ему сарбазовъ (солдатъ) и организовать изъ нихъ нѣкоторое, хотя и отдаленное, подобіе европейскаго войска. Онъ научилъ персидскую артиллерію стрѣлять изъ ея допотопныхъ орудій, а при слухахъ о движеніи большихъ шаекъ туркменъ искусно разставилъ эти орудія по стѣнамъ и распредѣлил пѣхотныя части, такъ что городъ могъ считаться сравнительно хорошо защищеннымъ. Сверхъ того, зная всю важность развѣдочной службы, онъ вызвалъ охотниковъ сарбазовъ и русскихъ бѣглецовъ и, пообщавъ имъ хорошее вознагражденіе, сталъ посылать ихъ для осмотра окрестностей города.

И эти-то мѣры въ связи съ проницательностью Якубъ-хана и спасли священный городъ отъ грозившаго ему разгрома.

Уже атака Юсуфа, несмотря на всю опытность и умѣлость сердаря, возбудила подозрѣніе въ Якубъ-ханѣ.

Самъ не умѣя себѣ объяснить причину и основаніе своихъ догадокъ, начальникъ персидскихъ войскъ пришелъ къ твердому убѣжденію, что эта первая атака была одной лишь демонстраціей, и что вслѣдъ за нею должна послѣдовать другая, которая собственно и будетъ гибельной для города. Мучимый этими предчувствіями, онъ доложилъ о нихъ принцу - правителю Хорасана, но тотъ поднялъ его на смѣхъ и, ссылаясь на свое знаніе обычаевъ туркменъ, заявилъ, что все это вздоръ, и что атака никогда не повторится.

Но, тѣмъ не менѣе, уступая настойчивымъ представленіямъ Якубъ-хана, принцъ, отправляясь на торжественное молебствіе у гробницы имама Ризы, разрѣшилъ все-таки начальнику своихъ войскъ дѣйствовать по его усмотрѣнію.

И Якубъ-ханъ тотчасъ же воспользовался этимъ разрѣшеніемъ. Онъ подвергъ новому осмотру защиту стѣнъ, вошелъ во всѣ мелочи обороны и распредѣленія войскъ и, пообщавъ еще болѣе вознагражденіе, сталъ чаще прежняго высылать развѣдчиковъ по окрестностямъ города.

Правда, быстрый налетъ туркменскихъ шаекъ, подошедшихъ въ нѣсколько часовъ къ окрестностямъ города, ускользнулъ все-таки отъ его вниманія. Но не прошло и часа послѣ прибытія ихъ на это условленное мѣсто, какъ Якубъ-ханъ зналъ уже о немъ отъ одного изъ любимѣйшихъ и расторопнѣйшихъ изъ своихъ подчиненныхъ—такого же бѣглеца изъ Россіи, какъ и онъ самъ. И всѣ затѣмъ планы туркменъ, распредѣленіе ихъ силъ, рѣшеніе итти на восточную стѣну, приготовленіе лѣстницъ и оставленіе всѣхъ лошадей подъ небольшимъ прикрытіемъ въ садахъ,—обо всемъ этомъ онъ узнавалъ почти тотчасъ же отъ своихъ лазутчиковъ и быстро принималъ нужныя мѣры для парализованія замысловъ врага.

Прежде всего онъ составилъ отрядъ въ нѣсколько тысячъ конныхъ сарбазовъ для отбитія туркменскихъ лошадей и, давъ точныя инструкціи начальнику, выслалъ его на мѣсто туркменскаго бивака хорошо извѣстными скрытными путями. Затѣмъ, по мѣрѣ возможности, онъ усилилъ вооруженіе восточной стѣны, перевелъ на нее сарбазовъ съ другихъ участковъ и велѣлъ снабдить ихъ возможно обильнѣе метательными орудіями и снарядами для отраженія туркменской атаки. Подготовивъ же все это, онъ въ послѣдній разъ обошелъ своихъ воиновъ, ободряя ихъ и внушая увѣренность въ успѣхъ.

Послѣ этого оставалось только ожидать приступа.

Зная хорошо, что туркмены производятъ свои нападенія обыкновенно передъ разсвѣтомъ, Якубъ-ханъ сообразилъ съ этимъ всѣ свои дѣйствія и указалъ тотъ же предразсвѣтный часъ и для отраженія атаки, и для нападенія на становище враговъ.

И вотъ, когда турмены, вполне убѣжденные въ успѣхъ своего предпріятія и предвкушавшіе сладость огромной и легко доставшейся добычи, подошли къ намѣченной ими стѣнѣ и были уже готовы приставить къ ней свои лѣстницы, чтобы одолѣть послѣднее препятствіе,—сверху грянули неожиданно пушки, зачастила дробь разнокалиберныхъ ружей, посыпались внизъ бревна, камни, и начали дѣйствовать разные метательные орудія и снаряды.

Дикіе хищники оторопѣли передъ такимъ неожиданнымъ отпоромъ и быстро отошли отъ стѣны... Впрочемъ, едва ли, привлекаемые слишкомъ заманчивой добычей, они не повторили бы своей попытки къ эскаладѣ, но въ это время со стороны ихъ становища послышались дикіе крики и завыванье, лязгъ оружія, щелканье выстрѣловъ и гулъ отъ топота лошадиныхъ копытъ...

Не трудно было догадаться, что значилъ этотъ шумъ.

Понявъ сразу, что враги проникли въ ихъ планы, и что если они опоздаютъ, то могутъ остаться безъ главнаго средства къ нападенію и защитѣ—безъ своихъ дивныхъ скакуновъ, туркмены оставили всякіе помыслы о дальнѣйшихъ атакахъ и бросились съ возможной быстротой къ своему биваку.

А тамъ между тѣмъ шелъ полный разгромъ и беспорядокъ.

Почти все уже прикрытіе пало подъ ударами скрытно подошедшихъ сарбазовъ, а туркменскіе скакуны, перепуганные шумомъ нападенія и вспыхнувшимъ затѣмъ пожаромъ, стали обрывать свои уздечки и путы и метаться изъ стороны въ сторону, пока не выскакивали совсѣмъ изъ круга битвы и пожара и не исчезали во мракѣ ночи.

Нѣтъ сомнѣнія, что запоздай еще хоть немного главныя силы туркменъ, они оказались бы безъ всякихъ средствъ къ передвиженію и едва ли уцѣлѣли бы въ борьбѣ съ гораздо болѣе многочисленными врагами. Но имъ удалось еще энергичнымъ натискомъ отбросить нападеніе. Переловивъ же затѣмъ своихъ лошадей, они быстрой и беспорядочной толпой бросились прочь отъ этого города, подъ стѣнами котораго вмѣсто добычи чуть-чуть не нашли своей смерти.

Не одна сотня отбитыхъ номадовъ легла, однако, подъ ударами вышедшихъ изъ Мешхеда конныхъ и пѣшихъ отрядовъ, но главныя силы успѣли все-таки ретироваться, уже не думая о нападеніи и помышляя единственно о возможно быстромъ отступленіи отъ опаснаго города.

Впрочемъ, едва ли туркменамъ слѣдовало особенно жалѣть о постигшей ихъ неудачѣ. Награбленные уже ранѣе богатства и толпы рабовъ и рабынь, отправленныхъ на сѣверъ, достаточно вознаграждали за всѣ труды и лишенія аламана, а гибель тѣхъ сотенъ товарищей, которые легли подъ стѣнами Мешхеда, оставалось предать пока на волю Аллаха, карающаго и милующаго по своему усмотрѣнію...

VIII.

Въ «благородной Бухарѣ».

«Благородная Бухара» (Бохара-и-Шерифъ) жила своей обычной жизнью.

Бадеветъ Мозафаръ-эдъ-Динъ¹⁾!—да прибавить ему Аллахъ 120 лѣтъ жизни!—былъ въ отсутствіи въ виду войны съ кокандскимъ ханомъ, но это мало отражалось на жизни столицы Трансоксаніи²⁾, этого «благоуханнѣйшаго цвѣтка ислама и просвѣщенія».

Такъ же, какъ и всегда, двигалась по узкимъ улицамъ шумная, разноплеменная толпа, также шелъ торгъ подъ темными сводами базаровъ, и въ караванъ-сараяхъ также молились въ мечетяхъ и, какъ всегда, судили и казнили на площадяхъ преступниковъ.

Но особенно большое скопленіе народа было около нѣсколькихъ караванъ-сараявъ, расположенныхъ вблизи знаменитаго Леби-Гаузъ-Диванъ-беги (резервуаръ Диванъ-беги). Громадная толпа запружала всѣ свободныя мѣста, переполняла чайхане (чайныя), двигалась, шумѣла, кричала и торговалась.

Предметомъ торга тутъ были уже живой товаръ: только что привезенные изъ дикихъ степей вольной Туркменіи персіяне и персіянки, захваченные въ плѣнъ во время послѣднихъ аламановъ. Давно уже оторванные отъ разоренныхъ и сожженныхъ родныхъ очаговъ своихъ и вдоволь натерпѣвшіеся всевозможныхъ и физическихъ, и нравственныхъ мученій, очутились они наконецъ на послѣднемъ этапѣ—на рынокъ «благородной Бухары». Здѣсь уже окончательно должна была рѣшиться ихъ судьба, и здѣсь они должны были попасть въ тѣ руки, изъ которыхъ, быть можетъ, не суждено было вырваться во всю остальную жизнь...

Но тутъ прежде, чѣмъ продолжать разсказъ, я считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о торговлѣ людьми въ Средней Азіи,—объ этой гнусной профессіи, которой положило предѣлъ только завоеваніе Россіей, какъ главнѣйшихъ рынковъ этого торга, Бухары и Хивы, такъ и земель «солиднѣйшихъ» поставщиковъ живого товара, дикихъ номадовъ-туркменъ.

Вообще торговля эта велась въ Средней Азіи съ давнихъ временъ. Но предметомъ ея были сначала лишь «несвободные» люди—кафиры (невѣрные), т. е. представители всѣхъ религій, кромѣ ислама. Когда же, однако, въ 945 году тиджры уроженецъ Самар-

¹⁾ Бадеветъ значитъ собственно благоденствующій, въ данномъ же случаѣ имѣетъ значеніе—«его величество эмиръ».

²⁾ Т. е. странъ за Оксусомъ (Аму-Дарьей).

канда, знаменитый въ свое время мулла. Шемсединъ-Магометъ, объявилъ въ своей фетвѣ (заклятіи, молитвѣ), что отдѣлившіеся отъ истинной правой вѣры пророка шіиты—такіе же невѣрные, какъ и всѣ немусульмане, тогда вся Средняя Азія перестала смотрѣть на нихъ, какъ на своихъ собратьевъ, и стала торговать и шіитами-персіянами на рынкѣ такъ же, какъ торговала до того китайцами или христіанами. А затѣмъ мало-помалу, по мѣрѣ увеличенія спроса на рабовъ и рабынь, забылась уже и разница между своими и чужими, и на рынкахъ стало появляться все болѣе и болѣе даже несомнѣнныхъ правовѣрныхъ, настоящихъ мусульманъ-суннитовъ. И лицемѣрная Бухара, громогласно объявлявшая себя истиннымъ свѣточемъ ислама, хранительницей ученія пророка во всей его неприкосновенности, шла тутъ впереди другихъ и, выводя на свои базары толпы суннитовъ, заставляла ихъ съ помощью побоевъ и притѣсненій выдавать себя за невѣрныхъ-шіитовъ. И только одни евреи, гонимые и въ Средней Азіи, какъ и во всемъ свѣтѣ, признавались недостойными чести быть проданными въ рабство и поэтому могли сравнительно спокойно вести свои торговые дѣла даже въ самыхъ туркменскихъ пустыняхъ.

Однако, возвращаясь къ прерванному разсказу.

Мы въ лавкѣ богатаго сарта Сеидъ-Назара-Курбанъ-оглы. Онъ давно уже принадлежитъ къ почтенному цеху догмафурунъ (торговцевъ невольниками) и нажилъ все свое состояніе на этомъ «честномъ» ремеслѣ. Безчисленное множество рабовъ и рабынь прошло черезъ его руки.

Вдоль и поперекъ исходилъ онъ и извѣздилъ туркменскія степи, разыскивая тамъ подходящій для себя товаръ или заказывая его впередъ своимъ друзьямъ-туркменамъ и выдавая имъ авансы въ видѣ денегъ или разныхъ нужныхъ въ домашнемъ обиходѣ предметовъ. Но не стѣснялся онъ при этомъ разыгрывать и обратную роль и не разъ выводилъ изъ Бухары или изъ туркменскихъ пустынь въ города Персіи похищенныхъ отсюда аламанщиками дѣтей или родственниковъ богатыхъ людей, не щадившихъ денегъ, лишь бы вернуть изъ плѣна дорогихъ имъ людей. И къ кому же обратиться несчастнымъ отцамъ для этого, какъ не къ «честному» Сеидъ-Назару-Курбанъ-оглы, этому доброму человѣку, который такъ ненавидитъ гнусныхъ туркменъ за ихъ разбойническій нравъ и такъ проклинаетъ жестокость и презрѣнную жадность бухарцевъ, покупающихъ своихъ же собратьевъ мусульманъ для обработки полей и домашнихъ работъ!

Правда, услуги Сеидъ-Назара стоятъ очень дорого: но вѣдь сколько же трудовъ стоитъ и ему самому разыскать нужнаго плѣнника или плѣнницу и сколько хлопотъ, чтобы выкупить его изъ рукъ рабовладѣльца, а затѣмъ препроводить въ цѣлости и сохранности черезъ степи дикихъ разбойниковъ-туркменъ?!

Съ полнымъ безстрастіемъ на своемъ красивомъ лицѣ стоитъ онъ теперь въ бѣлоснѣжной чалмѣ и яркомъ цвѣтномъ халатѣ на порогѣ своей лавки и поджидаетъ хорошихъ покупателей на свой ходкій товаръ.

А этимъ товаромъ переполнено нѣсколько отдѣленій его магазина.

Мрачныя и угрюмыя, вытерпѣвшіе всевозможныя физическія и нравственныя муки, стоятъ и сидятъ съ опущенными головами бѣдныя персидскіе рабы. Еле прикрытые жалкими обрывками одежды, черезъ которые виднѣется ихъ изнуренное и засинѣвшее кое-гдѣ отъ побоевъ тѣло, тупо и равнодушно взглядываютъ они на каждаго приходящаго покупателя и безпрекословно поднимаются, даютъ себя ощупывать и осматривать при выборѣ, а затѣмъ и покидаютъ лавку, уходя за своимъ новымъ хозяиномъ. Перенесшіе уже всѣ нравственныя страданія, оторванные безнадежно отъ родины и близкихъ людей, вынесшіе пытки и ужасы продолжительныхъ переходовъ съ веревкой на шеѣ вслѣдъ за грабителемъ-туркменомъ, ѣдущимъ рысью и подгоняющимъ плетью своихъ измученныхъ рабовъ,—чего могутъ бояться они впереди? Самый тяжелый трудъ, самая изнурительная работа лучше оставшихся уже сзади пытокъ и мученій!.. А кто знаетъ, можетъ быть, новый хозяинъ окажется хорошимъ человѣкомъ? можетъ быть, онъ не станетъ подавлять непосильной работой своего несчастнаго раба, а наоборотъ за усердіе и стараніе предоставитъ ему извѣстныя льготы, дастъ какое нибудь вознагражденіе, а затѣмъ, черезъ установленныя семь лѣтъ, предоставитъ и возможность выкупиться на свободу? А то все вѣдь въ рукахъ Аллаха!—можетъ быть, этотъ же жестокій Сеидъ-Назаръ-Курбанъ-оглы долженъ будетъ черезъ какой нибудь десятокъ лѣтъ кланяться ему, своему бывшему рабу, если небо будетъ особенно благосклонно къ нему и, что не разъ уже бывало, дастъ ему не только свободу, но и почетъ и высокое положеніе на новой его родинѣ?..

— Селямъ алейкумъ!—произнесъ вдругъ хозяинъ лавки, почтительно отступая съ порога и низко кланяясь входившему дородному узбеку въ огромной чалмѣ и парчевомъ парадномъ халатѣ.

— Алейкумъ селямъ!—отвѣтилъ нѣсколько небрежно вошедшій и тотчасъ же, почти не обращая вниманія на продавца, приступилъ къ осмотру его товара.

— Эй, ты, вставай!—произнесъ онъ, ткнувъ носкомъ сапога въ бокъ приглянувшагося ему персіянина-мужчину, лѣтъ тридцати, высокаго роста и крѣпкаго тѣлосложенія. Когда же тотъ поднялся, онъ сталъ внимательно осматривать и ощупывать его: попробовалъ его мускулы, велѣлъ поднять лежавшій около тяжелый чурбанъ, постукалъ по грудной клѣткѣ...

— Какая же ему цѣна?—спросилъ онъ хозяина, оставшись, видимо, доволенъ результатами осмотра.

— Онъ мнѣ стоитъ 80 тилль¹⁾),—отвѣтилъ, низко кланяясь, Сеидъ-Назаръ:—но для такого важнаго господина я готовъ уступить за семьдесятъ.

— Яхши, гой ела олсунъ (хорошо, пусть будетъ такъ),—отвѣтилъ узбекъ:—менъ истерамъ гяна гегчачъ кизи (я хочу еще красивую дѣвицу).

— Гедачъ меннанъ (пойдемте сомной),—пригласилъ его хозяинъ:—у меня есть много красивыхъ дѣвицъ, но одна—настоящій цвѣтокъ и навѣрно понравится эфенди.

И они оба прошли въ боковую комнату, гдѣ въ тѣхъ же безучастныхъ позахъ, хотя и въ нѣсколько лучшихъ нарядахъ, сидѣли жены и дѣвы Ирана, долженствовавшія украсить собою гаремы бухарскихъ богачей или, при отсутствіи красоты, вступить въ ряды другихъ невольницъ и исправлять разныя домашнія работы.

Миновавъ нѣсколько ближайшихъ женщинъ, покупатель и продавецъ подошли прямо къ молоденькой персіянкѣ, удивительную красоту которой не могли испортить ни всѣ тягости огромнаго перехода, ни мученія и нравственныя пытки плѣна. То была несчастная Фатьма, извѣстная уже читателю по одной изъ предшествующихъ главъ, гдѣ описаны и ея попытка къ героической защитѣ, и тотъ азартъ, который она возбудила въ туркменахъ и особенно въ молодомъ нашемъ знакомцѣ Оразъ-Берды.

Засверкали глаза важнаго узбека, когда онъ увидалъ красавицу, и, даже не спросивъ о цѣнѣ, онъ оставилъ ее за собою. Красавица покорно встала, когда ей объявили о состоявшемся торгѣ, и послѣдовала за своимъ новымъ господиномъ. У порога лавки къ нимъ присоединился купленный рабъ, и всѣ они вышли на улицу, гдѣ узбека ждала его свита. Шумная и плотная толпа почтительно разступилась, давая проѣздъ важному эфенди и его свитѣ.

Много глазъ устремилось съ любопытствомъ на проѣздъ узбека и на купленныхъ имъ раба и рабыню, удивительная красота которой плохо скрывалась истрепаннымъ одѣяніемъ и полуразорванной чадрой. И среди этихъ глазъ были два глаза, черныхъ, какъ угли, и засверкавшихъ, какъ огонь, при взглядѣ на дѣвушку. И принадлежали глаза эти молодому Оразъ-Берды.

Судорожно ухватившись за висѣвшій сбоку клынокъ, молодой туркмень, казалось, готовъ былъ ринуться черезъ всю эту толпу, чтобы выхватить изъ рукъ узбека красавицу-персіянку, завладѣвшую еще тогда, при первой встрѣчѣ въ пылавшемъ аулѣ, всѣми его помыслами и всѣмъ сердцемъ. Но крѣпкія руки схватили его сзади, и властный голосъ сказалъ:

— За тѣмъ развѣ пришли мы сюда, чтобы здѣсь погибнуть подъ ножами презрѣнныхъ торгашей? Я обѣщалъ уже тебѣ, что мы ото-

¹⁾ Тилль— золотая бухарская монета.

бьемъ полюбившуюся тебѣ персіянку, но не сейчасъ, среди этой толпы. Будь мужественъ и успокойся.

— Да, ты правъ, Юсуфъ,—отвѣтилъ Оразъ-Берды:—но не будемъ же упускать ее изъ вида. Сколько намъ стоило труда разыскать ее, и теперь, когда мы такъ счастливо подошли къ этой лавкѣ и встрѣтили тутъ Фатьму,—ее могутъ увезти.

— Не беспокойся, теперь она не уйдетъ отъ насъ,—возразилъ Юсуфъ, котораго мы видѣли въ предшествующихъ главахъ грознымъ сердаремъ въ аламанѣ на Персію.

И раздвигая толпу мощными плечами, оба туркмена послѣдовали за удалявшимся поѣздомъ узбека. У одного же чайхане стояли привязанными ихъ лошади. Они вскочили на нихъ и быстро догнали интересовавшую ихъ кавалькаду.

Судьба, видимо, покровительствовала туркменамъ.

На одномъ изъ безчисленныхъ поворотовъ къ нимъ присоединилось еще нѣсколько человѣкъ ихъ собратьевъ. Всѣ они пришли сюда вмѣстѣ съ Юсуфомъ и Оразъ-Берды, кто изъ желанія помочь предпріятію, а кто, будучи соблазненъ обѣщаннымъ хорошимъ вознагражденіемъ и страстью къ приключеніямъ. Разбившись затѣмъ въ Бухарѣ для поисковъ, они удачно встрѣтились теперь у самой цѣли своего дерзкаго замысла. Оставалось только ждать удобнаго момента для приведенія его въ исполненіе.

Нѣсколько отдѣлившись отъ поѣзда узбека, чтобы не возбуждать подозрѣній, и разбившись вновь на двѣ отдѣльныя группы, слѣдовали они потихоньку за двигавшейся впереди кавалькадой.

А бухарцы между тѣмъ миновали площадь, лежащую передъ аркомъ (дворцомъ эмира), пересѣкли рядъ узкихъ, кривыхъ улицъ и послѣ почти часового пути подѣхали къ стѣнѣ, охватывающей со всѣхъ сторонъ благородную Бухару.

Тутъ черезъ открытыя ворота выѣхали они въ поле, направляясь, очевидно, къ какому либо изъ окрестныхъ ауловъ.

— Самъ Аллахъ за насъ,—сказалъ съ улыбкою Юсуфъ, когда обѣ группы всадниковъ очутились въ полѣ:—вотъ теперь дадимъ имъ еще немного отѣхать, да и нагрянемъ сзади.

И какъ только миновали послѣдніе признаки жилья, и дорога совсѣмъ вышла на просторъ, туркмены подняли плети надъ своими скакунами и, мгновенно съ дикимъ крикомъ налетѣвъ на передній поѣздъ, разбросали его въ разныя стороны. И не успѣлъ еще ошеломленный неожиданнымъ нападеніемъ вельможа-узбекъ прійти въ себя, какъ группа туркменъ скакала уже вдали, увозя съ собою красавицу персіянку.

— Догоняй, лови ихъ!—закричалъ въ изступленіи узбекъ, замѣтивъ, что всѣ слуги его цѣлы, и даже рабъ-персіянинъ остался на мѣстѣ, а недоставало только красавицы-дѣвушки.

И, взмахнувъ плетью, онъ самъ полетѣлъ вслѣдъ за туркменами, сопровождаемый своими слугами.

Но гдѣ же было тяжелымъ бухарскимъ всадникамъ съ ихъ непривычными къ большимъ переходамъ и скачкѣ лошадьми догнать великолѣпныхъ туркменскихъ коней? Далеко за собой оставили Юсуфъ и Оразъ-Берды своихъ преслѣдователей, и, потерявъ уже ихъ изъ виду, они сдержали своихъ скакуновъ и поѣхали шагомъ. Красавица-персіянка лежала безъ чувствъ въ сѣдлѣ Оразъ-Берды.

— Ну, что, доволенъ ты нашей удачей?—спросилъ его улыбаясь Юсуфъ.

— О, я очень благодаренъ тебѣ, дядя,—отвѣтилъ Оразъ-Берды:— все устроилось, какъ нельзя лучше.

— Значить, я сдержалъ свое слово, которое далъ тебѣ во время твоей болѣзни? Я общалъ тебѣ, когда ты лежалъ весь въ огнѣ и потерявши столько крови отъ ранъ, что мы достанемъ, во что бы то ни стало, приглянувшуюся тебѣ красавицу-персіянку, не доставшуюся тебѣ при раздѣлѣ добычи только оттого, что все считали уже тебя умершимъ. Да, по правдѣ говоря, я и самъ, подобравъ подъ Мешхедомъ твое тѣло, никакъ уже не думалъ, что удастся вернуть тебя къ жизни. Очень ужъ исполосовали тебя проклятые сарбазы. И отчего ты не уходилъ тогда вмѣстѣ съ нами? Нужно было еще бросаться въ бой и показывать свою храбрость!

— Но не могъ я вытерпѣть, дядя,—отвѣтилъ Оразъ-Берды:— тѣхъ издѣвательствъ, которыя посылали намъ сзади презрѣнные шіиты. Они смѣялись и кричали, что намъ нападать только на сонныхъ да на женщинъ и стариковъ, а что съ настоящими воинами мы боимся сразиться. Я уговаривалъ тогда скакавшихъ со мною товарищей повернуть на персюковъ. Нѣсколько человѣкъ согласилось на мое предложеніе, и мы повернули назадъ...

— Да, и все вы упали подъ ударами враговъ, которыхъ было по сотнѣ на каждого. Я потомъ уже узналъ о твоей выходкѣ. И сколько мнѣ труда и хлопотъ стоило, чтобы въ слѣдующую же ночь разыскать тебя на полѣ битвы! И не думалъ я, что удастся вернуть тебя къ жизни. Ну, да, по крайней мѣрѣ, не хотѣлъ оставлять твоего тѣла на проклятой шіитской землѣ, гдѣ, къ сожалѣнію, пришлось бросить трупы другихъ туркменъ.

— Да, ты поступилъ со мною, какъ отецъ,—съ чувствомъ сказалъ Оразъ-Берды:—и я не знаю, когда удастся мнѣ отплатить тебѣ и за спасеніе жизни, и за эту красавицу.

— Ну, красавица-то досталась намъ ужъ очень легко,—отвѣтилъ улыбаясь Юсуфъ:—но теперь нужно подумать и о ней. Вонъ никакъ не можетъ прійти въ себя! Нужно будетъ положить ее на землю и вспрыснуть водой,—быстро очнется.

Черезъ пять минутъ путники подѣхали къ караванъ-сераю и рѣшили расположиться тамъ на отдыхъ, поставивъ, однако, одного изъ воиновъ насторожѣ у воротъ, на случай могущей быть опасности.

Но погони не было, и Оразъ-Берды имѣлъ полную возможность привести въ чувство свою красавицу и дать ей отдохнуть.

Долго не могла дѣвушка прійти въ себя отъ ужаса, когда увидала кругомъ тѣхъ же дикихъ грабителей, которые сожгли ея аулъ, а среди нихъ и сильно врѣзавшіяся ей въ память лица Оразъ-Берды—перваго туркмена, нашедшаго ее въ саклѣ, и этого грознаго сердаря, который тогда однимъ появленіемъ своимъ прекратилъ готовившуюся подлѣ нея схватку, и послѣ ухода котораго ее схватили и связали вмѣстѣ съ ея дорогой матерью. Но только теперь уже эти туркмены ухаживали за нею, приводили ее въ чувство, предлагали ей ѣсть и пить... И особенно хлопоталъ этотъ молодой туркмень, который тогда первымъ нашелъ ее и не хотѣлъ уступить другимъ. Онъ не отходилъ отъ нея, а когда напряженные нервы ея не выдержали, и она разразилась слезами, онъ привелъ откуда-то переводчика и сталъ говорить ей слова утѣшенія.

— Тебѣ никто теперь не сдѣлаетъ зла,—говорилъ онъ ей:—ты поѣдешь теперь въ мою землю и будешь тамъ моей женой. Всѣ мы—твои друзья, и никто не посмѣетъ пальцемъ тронуть тебя. Перестань же плакать, успокойся, пей и ѣшь.

А когда эти слова, а особенно тотъ тонъ, которымъ они были сказаны туркменомъ, и нѣжные взгляды, сопровождавшіе ихъ, произвели свое дѣйствіе, Оразъ-Берды, вспомнивъ о похищенной вмѣстѣ съ дѣвушкой ея матери, спросилъ о ней Фатьму.

— О, ана джанъ, ана джанъ (дорогая мать)!—вскрикнула дѣвушка, выслушавъ вопросъ и вновь залившись слезами:—ее убилъ злой разбойникъ! Онъ взялъ меня къ себѣ въ сѣдло, а мать привязалъ сзади на веревкѣ. Я просила привязать тамъ меня вмѣсто нея, но онъ не хотѣлъ и слушать. А когда моя бѣдная мать устала бѣжать за лошадыю, онъ сначала билъ ее кнутомъ, а потомъ, когда она совсѣмъ упала, онъ однимъ взмахомъ отрубилъ ей голову! И ея кровь залила меня всю, и теперь еще на моей одеждѣ есть пятна отъ нея.

И она, указавъ эти пятна, залилась горькими слезами. Но Оразъ-Берды приложилъ новыя старанія, чтобы успокоить ее, и когда бѣдная дѣвушка почувствовала въ себѣ достаточно силы, чтобы продолжать путь, маленькій караванъ двинулся далѣе къ предѣламъ туркменскихъ пустынь...

Вы видите, читатель, что и въ сердцѣ дикаго туркмена могли уживаться рядомъ съ самыми звѣрскими наклонностями порывы «страсти нѣжной» и готовность къ самопожертвованію, и другія проявленія чистой и высокой души. Все это въ обыкновенной обстановкѣ скрывалось подъ толстымъ слоемъ невѣжества, грубости и съ незапамятныхъ временъ усвоенныхъ привычекъ къ грабежу и

разбою. Но въ нужную минуту всѣ эти добрыя чувства могли всплыть на верхъ и зачастую совершали чудеса. И, право, за такіе проблески, если даже они бывали и не часто, да за любовь туркменъ къ своей родинѣ, за ихъ своеобразную честность и несомнѣнную храбрость имъ можно, если не совѣмъ извинить эти дикіе набѣги на несчастныхъ сосѣдей, то во всякомъ случаѣ найти «смягчающія вину обстоятельства», и особенно, если вспомнить исторію средневѣковой Европы съ ея рыцарствомъ и разбойниками—баронами, герцогами и даже епископами. Да кстати ужъ будетъ припомнить и то, что всѣ эти ужасы аламановъ также отошли, съ завоеваніемъ среднеазіатскихъ ханствъ и покореніемъ Туркменіи, въ область исторіи, какъ и подвиги прославленнаго Геца фонъ-Берлихенгена и другихъ достойныхъ представителей средневѣковаго рыцарства...

А. П. Андреевъ.

